

ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВОВАВШИЕ ФОРМИРОВАНИЮ ПРАВА СВОБОДЫ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В РОССИИ

© 2012 А.В. Босов

Самарский государственный экономический университет

E-mail: bosalex@yandex.ru

Статья посвящена исследованию возникновения в России права свободы совести и вероисповедания. Впервые выделяются факторы, оказавшие влияние на формирование права свободы совести и вероисповедания в России.

Ключевые слова: свобода совести и вероисповедания, мировоззрение, фактор, предпосылки, возникновение.

Формирование права свободы совести и вероисповедания в России начинается в XIX в. в политико-правовой литературе. Впервые законодательное закрепление это право находит в Высочайшем Манифесте “Об усовершенствовании государственного порядка” от 17 октября 1905 г.¹ Это формирование определил ряд политико-правовых и социальных факторов.

Среди политико-правовых факторов одним из основных можно выделить **слияние церковного аппарата с государственным**, в результате чего в государственной политике России проявилась протекция Русской православной церкви, как структуры государственного аппарата при дискриминации других конфессий. Так называемая “симфония властей” (отделение церковной власти от государственной), сформулированная Большим Московским Собором 1666-1667 гг.: “Царь имеет преимущество в делах гражданских, а патриарх - в церковных, дабы таким образом сохранилась целою и непоколебимою во век стройность церковного учреждения”², сменилась введением церкви в структуру государственного аппарата путем учреждения коллегиального органа управления Русской православной церковью - Святейшего Правительствующего Синода³. В дальнейшем произошло завершение проведенных Петром I реформ, как отмечает С.П. Мельгунов, “Екатерина II, окончательно уничтожила самостоятельность духовной власти и закабалила ее на службе полицейского государства. В знаменитой речи, обращенной к Синоду, после осуждения митрополита ростовского и ярославского, Арсения Матвеевича (одного из врагов церковных реформ Петра и секуляризации монастырских имуществ), Екатерина заявляет, что архиереи - не служители алтаря, не духовные сановники, но “государ-

ственные особы” - “вернейшие подданные”; для них, по мнению Екатерины, власть монарха должна быть выше законов евангельских”⁴. Можно согласиться с его выводом, что, “превратившись в колоссальную канцелярию с неизбежной, по словам И. Аксакова, “канцелярской официальной ложью”, церковь, по идее блюстительница высшей нравственности и совести... сделалась врагом прогрессивной мысли и проповедницей приниженности человеческой мысли во имя охраны неприкосновенности устоев старого, отжившего общественного порядка. Она сделалась врагом свободы...”⁵.

Одним из основных документов, регулировавших сферу религиозных отношений в XIX в., являлся Устав о предупреждении и пресечении преступлений⁶ (далее - Устав). Структура первого раздела Устава показывает характер государственной политики по вероисповедному вопросу. Первый раздел содержит нормы “о предупреждении и пресечении преступлений против веры”, *глава первая* направлена на регулирование порядка совершения богослужений в православной церкви. К примеру, в ст. 7 установлены правила участия в церковной службе: “...во время совершения службы никаких разговоров не чинить, с места на место не переходить, и вообще не отвращать внимания Православных от службы ни словом, ни деянием или движением, но пребывать со страхом, в молчании, тишине и во всяком почтении”⁷. *Вторая глава* Устава направлена на “предупреждение и пресечение уклонения от исполнения правил церкви православной”, *третья глава* Устава направлена на “предупреждение и пресечение отступлений от православной веры”. Для того чтобы побудить людей посещать воскресные и праздничные богослужения в право-

славной церкви, правительство применяло ряд полицейских мер. Так, в ст. 16 предусмотрено, что “полиция наблюдает, чтобы в воскресные или торжественные дни или в табельные или храмовые праздники (ст. 27), в городах и селениях, прежде окончания в приходской церкви литургии, не были начинаемы игрища, музыка, пляски, пение песен по домам и по улицам, театральные представления и всякие иные общенародные забавы и увеселения, а торговые лавки (исключая тех, в коих продаются съестные припасы и корм для скота) и питейные дома не были открываемы”⁸. Таким образом, в законодательстве, действовавшем до 1905 г., прослеживается явная направленность на протекцию православной церкви как структуры государственного аппарата.

Следующим политико-правовым фактором, связанным с предыдущим, является **всеобщая и детальная регламентация отношений в религиозной сфере** со стороны государственной власти **на законодательном уровне**, а также **стремление государства к униформизации мировоззренческих позиций граждан**.

На законодательном уровне, помимо ограничительных норм, государство вмешивалось в эту сферу путем властных императивных предписаний, касающихся назначения церковного руководства⁹, установления обязанностей относительно исповеди (ст. 21 Устава), отправления религиозных обрядов (ст. 8, 19, 30, 34, 81, 89 Устава). Фактически законом устанавливались государственный патронаж при распространении православного исповедания (ст. 23, 24, 41, 80 Устава) и приоритет занятия общественных должностей лицами православного вероисповедания (ст. 64 Устава). Свободе совести и вероисповедания не способствовала установленная обязанность каждого гражданина, имеющего информацию о руководителях, распространителях, учредителях “ереси”, сообщать об этом местному начальству (ст. 58 Устава).

В отношении личных правомочий граждан в сфере свободы совести существовало большое количество ограничений. В соответствии со ст. 48 Устава “раскольники не преследуются за мнения их о вере”¹⁰, а согласно ст. 73 Устава христиане иностранных исповеданий, евреи, магометане и язычники “пользуются повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной...”¹¹. Вместе с тем, хотя законодательство и содержало норму, обеспечивающую

защиту права свободы вероисповедания, однако объем ограничений и оговорок, содержащихся в других нормах Устава да и в самой ст. 48, существенно ограничивал правоприменение норм, устанавливающих религиозные свободы.

Право *иметь* религию или убеждения по своему выбору формально декларировалось (ст. 73 Устава), однако тесно связанные с ним права *принимать* или *изменять* религию или убеждения по своему выбору значительно ограничивались. Так, рожденным в православии категорически запрещалось изменять религиозную принадлежность (ст. 38 Устава)¹², соответственно, человек изначально не мог принять религию или убеждения, так как ему автоматически предписывались правила и убеждения, которым он должен был следовать. Родившийся в православии человек лишался свободной возможности их изменить, этому вопросу была посвящена полностью гл. 3 Устава с детальной регламентацией мер воздействия в случае “отступления от православной веры”. При этом необходимо отметить, что на мужьях лежала двойная ответственность: за себя и за своих жен. Муж нес ответственность, если “*понудит*” или “*понути*” жене перейти в другую веру (ст. 40 Устава). Этой же статьей предусмотрена ответственность отца за взгляды его детей.

Для граждан не православного исповедания свободы также не существовало.

В праве было следующее разделение религиозных исповеданий: 1) *господствующее* - “Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания” (ст. 73 Устава)¹³; 2) *терпимые* вероисповедания (ст. 94 Устава); 3) *вредные* (ст. 64, 67 Устава)¹⁴.

Исходя из представленного деления, в соответствии со ст. 94 Устава переход граждан не православного вероисповедания из одной религии в другую зависел от того, к какому уровню признаваемых государством религий он изначально относился, был возможен горизонтальный переход (в рамках одного и того же уровня) или на более высокий (имеющий большее государственное признание). Переход к религиозному исповеданию более низкого уровня, хотя формально и не был запрещен, однако множеством накладываемых ограничений практически был невозможен.

Право, связанное с *распространением* своих убеждений, также подвергалось жестким ог-

раничениям. Беспрепятственно распространять учение могла только православная церковь (ст. 78 Устава), православное учение иноверным можно было проповедовать только с разрешения Епархиального Архиерея (ст. 79 Устава). Всем иным категориям (не православным) запрещалось печатать и распространять литературу религиозного содержания (ст. 53 Устава), иностранная литература подлежала конфискации (ст. 54 Устава), распространять свои убеждения терпимым христианским религиям среди магометан и язычников допускалось только с высочайшего разрешения МВД (ст. 90 Устава). В случае “сворачивания” иноверцем подданного Российской империи в свою веру предусматривалась ответственность (ст. 93 Устава), в этом случае действовал двойной механизм контроля, меры ответственности применялись и к перешедшему, и к распространителю. Магометанам запрещалось распространять убеждения без специального разрешения (ст. 90, 93 Устава).

Право исповедания религии и убеждений, а также исполнения религиозных церемоний и ритуальных обрядов в равной мере подвергалось ограничениям. В ст. 48 Устава декларировалось: “...раскольники не преследуются за мнение их о вере”¹⁵, ст. 73 Устава устанавливается гарантия свободы: “...все непринадлежащие к господствующей Церкви подданные, природные и в подданство принятые, также иностранцы, состоящие в Российской службе или временно в России пребывающие, пользуются повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной; сия свобода веры присвоается не только Христианам иностранных исповеданий, но и Евреям, Магометанам и язычникам”¹⁶. Однако всем этим правам соответствовал огромный перечень ограничений, делающий их применение невозможным.

Раскольникам запрещалось: разводить скиты, обители и т.п., именовать себя староверами (ст. 49 Устава), строить что-либо похожее на церковь (ст. 50 Устава), устраивать часовни и молитвенные дома на кладбищах (ст. 51 Устава), попам переходить для совершения обрядов из одного селения в другое (ст. 56 Устава), собираться в один дом для молений, обрезаний, венчаний, погребений и прочих обрядов, не имеющих сходства с христианскими, использовать колокольный звон, сопровождать тело на кладбище в мантиях... или иных особенных одеяниях, а рав-

но гласное пение... (приложение к ст. 62 Устава)¹⁷.

В отношении *магометан* действовало ограничение на строительство молитвенных домов без специального разрешения властей (ст. 96 Устава).

В отношении распространения и изменения вероисповедания ограничения, касающиеся *евреев*, были жестче. Так, помимо прочего, предусматривались высылка евреев из уездов, где находилась “жидовская ересь” (ст. 70 Устава), запрет на выдачу им паспортов для самостоятельного изменения места жительства (ст. 69 Устава), запрет держать у себя слуг из христиан (ст. 91 Устава), проведение молитв допускалось только в специальных зданиях (ст. 98 Устава).

В отношении *язычества* Устав содержит меньше всего ограничительных норм, однако можно найти следы открытого осуждения и запрета языческих практик. В ст. 30 Устава запрещаются действия, включающие элементы языческого поклонения, “запрещается в навечерии Рождества Христа и в продолжении святок заводить, по некоторым старинным идолопоклонническим преданиям, игрища и, наряжаясь в кумирские одеяния, производить по улицам пляски и петь соблазнительные песни”¹⁸.

Государство вмешивалось посредством правовых предписаний в воспитание детей родителями в религиозной сфере. Выделялись обязательные религиозные требования, за исполнением которых родители должны были следить, к примеру, обязанность водить детей на исповедь с 7-летнего возраста (ст. 21 Устава). На практике имели место случаи, когда дети отбирались у родителей не православного вероисповедания и помещались для воспитания в монастыри¹⁹.

За ряд нарушений Устава о предупреждении и пресечении преступлений были предусмотрены санкции в статьях Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями²⁰ и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных²¹ (далее - Уложение).

При проведении сравнительного анализа Уложений о наказаниях уголовных и исправительных 1845²², 1866²³, 1885²⁴ гг. за преступления против веры можно отметить следующее: в Уложении 1866 г. по сравнению с Уложением 1845 г. отмечается смягчение санкций, касающихся телесного наказания, в остальном диспозиции и санкции статей не отличаются, Уложения 1866 и 1885 гг.

в разделе “Преступления против веры...” практически полностью идентичны. Существенные изменения происходят после 1906 г., когда из всех статей второго раздела, ограничивающих право свободы совести и вероисповедания, осталась лишь ст. 206 Уложения (уголовная ответственность старообрядцев и сектантов за строительство скитов и иных “обиталищ”), другие оставшиеся в силе ст. 218, 211-215, 219-240 Уложения регламентируют охрану общественного порядка и имеют свои аналоги в праве современной России.

В социальной сфере можно выделить группу тесно связанных между собой факторов, способствовавших формированию права свободы совести: **возникновение иных мировоззренческих позиций**, не вписывающихся в имевшиеся ранее и санкционированные государством парадигмы; **снижение интереса к религии со стороны населения; рост социальных конфликтов на почве религиозных различий.**

В результате проводимой государством правовой и социальной политики и соответствующей позиции православного священства, о чем свидетельствуют их публикации и публичные выступления²⁵, возникло обострение вероисповедного вопроса. Во Всеподданнейшем Отчете обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1885 г. отмечается малая религиозная грамотность людей: “Преосвященный Смоленский пишет, что при обозрении церковей ему доводилось наблюдать такие случаи, что крестьяне, встречая его с домашними своими иконками, не могли сказать, какой святой изображен на иконе...; многие, именующиеся христианами, не имеют никакого понятия об Иисусе Христе, даже лика Его не различают”²⁶. Из отчета за 1898 г.: “...инакомыслие позволительно лишь для иностранцев, русские могут быть только православными...”²⁷, этот же год, беседа штундиста с православным миссионером: “...мы не желаем идти за вами; ...вы с вашим Христом меняли людей на собак, а мы с нашим Христом желаем быть свободными”²⁸. В ряде случаев с целью защиты православия отмечаются фальсификации уголовных дел²⁹. Фальсификацией и искажением фактов не стыдился пользоваться и сам обер-прокурор Победоносцев, что подробно рассматривается в открытом письме К.П. Победоносцеву от Г. Дальтона³⁰, что заслуживает внимания, поскольку он

был лицом, в определенной степени приближенным к Победоносцеву, и очевидцем описываемых событий. В качестве протеста против насильно насаждаемой религии имели место многочисленные случаи самоубийств в духовных учебных заведениях, забастовки³¹.

С другой стороны, помимо отторжения навязываемой идеологии, вероисповедальный вопрос обостряло самоуправство со стороны населения, зачастую под руководством православного духовенства³². В некоторых случаях под предлогом борьбы за чистоту религии применялись пытки в извращенных формах³³.

Притеснения были настолько велики, что, как указывает С.П. Мельгунов, в 1901 г. старообрядцы Поволжья обратились с просьбой избавить их “от преследования за мнения о вере” за подписью 49 713 чел., свобода которой была декларирована, однако на практике отсутствовала³⁴.

Ответом на царившее в обществе напряжение стал указ от 17 апреля 1905 г. “Об Укреплении Начал Веротерпимости”³⁵, который можно считать существенной вехой на пути к обеспечению свободы совести на государственном уровне в России. Этим Указом признавалась возможность смены вероисповедания, хотя уход из православия еще назывался “отпадением”, признавалось уравнивание прав православных и иных вероисповеданий в отношении сооружения молитвенных домов, либерализация также коснулась отношения к старообрядцам (ранее раскольникам), воспитания детей лицами не православного происхождения. Первым актом, закрепляющим религиозные права граждан, содержащим формулировку “свобода совести” стал Высочайший Манифест “Об усовершенствовании государственного порядка” от 17 октября 1905 г.³⁶, данный акт можно считать первым шагом от начал веротерпимости к свободе совести, хотя пока еще и формальным. После Манифеста 17 октября 1905 г. логичным, но менее последовательным выглядит Именной Высочайший Указ от 17 октября 1906 г. “О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов”³⁷. Иных значимых актов до 1917 г., касающихся права свободы совести и вероисповедания, не принималось.

Таким образом, формирование права, а затем и принципа свободы совести и вероиспове-

дания произошло под воздействием следующих факторов:

- **слияние церковного аппарата с государственным**, в результате чего в государственной политике России проявилась протекция Русской православной церкви как структуры государственного аппарата при дискриминации других конфессий;

- **всеобщая и детальная регламентация отношений в религиозной сфере со стороны государственной власти на законодательном уровне**, а также **стремление государства к униформизации мировоззренческих позиций граждан**;

- **возникновение иных мировоззренческих позиций**, не вписывающихся в имевшиеся ранее и санкционированные государством парадигмы; **снижение интереса к религии со стороны населения; рост социальных конфликтов на почве религиозных различий.**

¹ См.: Высочайший Манифест “Об усовершенствовании государственного порядка” // Ведомости СПб. градоначальства. № 221. С. 1.

² *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. Париж, 1959. С. 216.

³ *Федоров В.А.* Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700-1917. М., 2003. С. 153 - 157.

⁴ *Мельгунов С.П.* Церковь и государство в России. (К вопросу о свободе совести): сб. ст. Вып. 1. 1907 С. 21.

⁵ Там же. С. 22.

⁶ Устав о предупреждении и пресечении преступлений. СПб., 1876.

⁷ Там же. С. 2-3.

⁸ Там же. С. 4.

⁹ См.: *Мельгунов С.П.* Указ. соч. С. 20

¹⁰ Устав о предупреждении и пресечении преступлений. С. 11.

¹¹ Там же. С. 15.

¹² Там же. С. 9.

¹³ Там же. С. 15.

¹⁴ В литературе имеется и другое разделение, так Ф.Г. Тернер указывает, что “в настоящее время оказываются три категории вероисповеданий: 1) признанные, 2) непризнанные, но терпимые и 3) преследуемые (по причине безнравственного своего характера)”, также он выделяет разновидность первой категории - покровительствуемые, те, которые получают денежную под-

держку (*Тернер Ф.Г.* Свобода совести и отношения государства к церкви - ценз. М., 1877. С. 16).

¹⁵ Устав о предупреждении и пресечении преступлений. С. 11.

¹⁶ Там же. С. 15.

¹⁷ См.: Устав о предупреждении и пресечении преступлений. С. 11-13.

¹⁸ См.: Там же. С. 8.

¹⁹ См.: *Булгаков А.Г.* Святая инквизиция в России до 1917 года. М., 2006. С. 128-130; *Мельгунов С.П.*, Указ. соч. С. 41 - 42.

²⁰ См.: Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями / под ред. Н.С. Таганцева. СПб., 1902. С. 123-125.

²¹ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных / тип. Шуман и Глушкова, в Черным пер., № 26. М., 1867. С. 58 - 79.

²² См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных / типография второго отделения собственной его императорского величества. СПб., 1845. С. 62 - 97.

²³ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных / тип. Шуман и Глушкова, в Черным пер., № 26. М., 1867. С. 58 - 79.

²⁴ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных / под ред. Н.С. Таганцева, гос. тип. СПб., 1908. С. 234 - 250.

²⁵ См.: *Булгаков А.Г.* Указ. соч. С. 25 - 29.

²⁶ См.: Там же. С. 51.

²⁷ Там же. С. 59.

²⁸ Там же.

²⁹ См.: *Булгаков А.Г.* Указ. соч. С. 68-69; *Мельгунов С.П.* Указ. соч. С. 61-66; 72-75.

³⁰ См.: *Дальтон Г.* Открытое послание Обер-Прокурору правительствующего Синода, действительному тайному советнику К.П. Победоносцеву от Германа Дальтона. Лейпциг, 1890.

³¹ См.: *Булгаков А.Г.* Указ. соч. С. 75.

³² См.: Там же. С. 150 - 153.

³³ Там же. С. 267.

³⁴ См.: *Мельгунов С.П.* Указ. соч. С. 35.

³⁵ См.: Полное собрание законов Российской империи: собр. 3-е. Т. XXV: 1905. СПб., 1908. С. 237 - 238.

³⁶ См.: Высочайший Манифест “Об усовершенствовании государственного порядка” // Ведомости СПб. градоначальства. 1905. № 221. С. 1.

³⁷ О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов: Именной Высочайший Указ от 17 окт. 1906 г. / тип. П.П. Рябушинского. М., 1906. С. 24.

Поступила в редакцию 06.01.2012 г.